

ПРОЛОГ

Полтора месяца с момента наступления Беды. Старый мир исчез, словно его и не было никогда, и даже огромный, брошенный людьми город, раскинувшийся рядом, уже не убеждал в том, что еще недавно у нас была совсем другая жизнь. Тесный двухместный номер в старом общежитии для слушателей академии с удобствами в конце коридора казался уже привычным и даже комфортабельным жильем — достаточно было увидеть, как живут те, кому не так повезло.

А мы... у нас вроде все нормально, если по новым понятиям судить. Есть жилье, есть оружие, есть машины, нас даже кормят и снабжают горючим, премируют за удачные вылазки и относятся с уважением. Есть, правда, и минусы — очень легко можно остаться без башки, и это еще не худшая из доступных опций. Худшая — это превратиться в смердящую безмозглую тварь и так бродить по земле или валяться в мертвецком беспомыслии в каком-нибудь грязном подвале, ожидая появления добычи поблизости. Нет, лучше уж без башки, как-то честнее перед мирозданием получается, если такое еще осталось. Потому как сам факт, что мертвые идут по земле, чтобы питаться от живых, уже заставляет усомниться в существовании каких-либо его основ.

Сергей Крамцов, «партизан»,
бывший аспирант

2 мая, понедельник, утро

Если быть честным, ну хотя бы в глубине души, то надо прямо сказать — этот день я оттягивал всеми возможными способами. Не признаваясь в этом даже самому себе, я старательно и увертливо избегал сделать первый шаг по дороге, ведущей от безопасной территории учебного центра «Пламя», куда занесла нас прихотливая судьба, до затерянного в вятских лесах ЗАТО¹ Горький-16. Оранжевый пенопластовый параллелепипед размером с два кирпича, в который были запаяны титановые капсулы с так называемым «материалом», должен был быть доставлен в этот тайный город, в такой же тайный военный центр. Именно этот контейнер, хранящийся в сейфе секретной части центра «Пламя», был и главным побудительным мотивом к этому походу, и главным моим извинением перед самим собой, которое позволяло принимать решения, не всегда даже до конца моральные. У нас есть миссия — или епитимья, как хотите, так и называйте, — и она должна быть исполнена.

Тут я чуть-чуть душой покривил. Миссия, или епитимья, есть только у меня и еще у девушки по имени Ксения Дегтярева — именно нас судьба намертво привязала к тем роковым событиям, из-за которых по-

---

¹ Закрытое территориальное образование; так называемые закрытые города вроде Арзамаса-16, работавшие в основном на оборону.

гиб окружающий нас мир. И грех было бы отрицать тот факт, что немалая доля нашей вины в этом тоже есть, и если хочется еще посмотреть на себя в зеркало, не пытаясь при этом каждый раз плюнуть, то епитимью надо исполнять. Смывать кровью, как говорили в Отечественную.

Если бы все зависело только от меня, то я бы в этот путь отправился один. Или ладно, вдвоем с Ксенией, раз уж у нее схожие мотивы, но больше никто из тех, кто входил в наш отряд, не имел ни малейшего касательства к Катастрофе. Но я точно знал, что уехать вдвоем нам не дадут. По разным причинам, но не дадут. Хотя бы потому, что мы действительно стали именоваться отрядом, причем собравшимся добровольно и уже доказавшим неоднократно свое право так называться. А хорошие отряды не разбегаются.

Не высказать свое отношение к мысли о том, что едут все, я все же не мог, поэтому пару дней назад, после ужина в столовой, как у нас все совещания и проходят, я попросил всех задержаться. И теперь передо мной за длинным столом, уставленном сейчас кружками с чаем и чайниками, сидели мои люди.

Сидела моя девушка Татьяна, бывший тренер по дзюдо, любительница мотоспорта, которая сейчас была в отряде одним из штатных механиков-водителей.

Сидел за столом мой друг Леха, в свое время, как и я, отслуживший в Чечне, который у нас был за снайпера и главного оружейника, а рядом с ним — его девушка Вика, она у нас теперь за старшину и просто стрелка.

Сидел бывший офицер внутренних войск Сергеич, которого нам довелось спасти, и он прибил к нашему отряду, не претендуя на главные роли и старательно обучая всему нужному личный состав.

Сидела рыжая и красивая Маша, мать двоих детей, кстати, которую мы спасли вместе с Сергеичем, и она тоже осталась с нами и обнаружила удивительный талант снайпера, чего никто не ожидал от бывшей бан-

ковской служащей. Ее дети, сын Сашка и дочь Лика, тоже были поблизости: носились по огромному залу столовой вместе с другими детьми.

Сидел Мишка Шмелев, он же Шмель, тоже давний мой друг, еще с войны, служивший в моем же полку механом на «копейке», ну и здесь не изменивший своей специальности. Рядом с ним расположился его отец, Степаныч, который мало того что был у нас за главного механика, так уже между делом узурпировал должность такового во всем центре «Пламя», занимаясь, правда, только автомобильной техникой.

С ними были Валентина Ивановна — шмелевская мать, крепкая тетка к пятидесяти, и Катя, сестра, круглолицая и белобрысая девчонка четырнадцати лет, конопатая, как перепелиное яйцо. Валентина Ивановна работала медсестрой в местном госпитале — на удивление неплохо, а Катя пристроилась в школе, открывшейся на днях, помощницей учительницы младших классов. К детям тут относились всерьез, хотя бы потому, что немало сирот успели спасти, да и на фоне погибшего мира только дети оставались символом надежды на его возрождение. Не будь их — хоть сам в гроб ложись.

Еще прямо напротив сидела Аня Дегтярева — младшая сестра Ксении, хорошенькая коротко стриженная блондинка всего лишь шестнадцати лет от роду, в прошлом восходящая звезда тенниса, которой Катастрофа так и не дала взойти и которая была с нами с самого начала и оказалась на высоте в любой ситуации, какие бы проблемы нас ни встречали.

С ней рядом сидела Ксения, старшая сестра, та самая участница дурацкого детского хулиганского заговора, в результате которого на территории НИИ, где я работал, грохнул взрыв. И благодаря этому самому взрыву, а также невероятному, возможному с вероятностью один на миллион случаю открылись клетки с зараженными животными, которые вырвались на свободу, разнося вирус по всей Москве, а уже из нее он с ураганной

скоростью, не очень даже реальной, распространился по всему миру.

Ни она, ни Аня, ни даже сидящая рядом с ними Алина Александровна Дегтярева, молодая и красивая женщина средних лет с умным и породистым лицом, никто из них не знал, что жертвой этого самого случая стал Владимир Сергеевич Дегтярев, муж Алины Александровны и отец Ксении с Аней. Он взял с меня слово, что я буду скрывать его гибель, и семья считала, что он находится в секретной лаборатории в Горном Алтае и с ним просто потеряна связь. Пусть так и будет.

Рядом с Ксенией сидел Пашка — молодой и веселый бывший студент из Красноярска, сын военного, хороший стрелок и боец, отчаянно влюбленный в свою соседку, что я незаметно и ненавязчиво поощрял — он теперь при ней как постоянный телохранитель, а заодно и при сестре. Пашка был у нас еще и за водителя, причем не чего-нибудь, а нашей самодельной «кашээмки»¹ — «буханки», в салоне которой мы установили рации. А радистками были эти самые сестрички, что позволяло легально держать их подальше от драки, да еще и под защитой верного Пашки.

Хотя, если не кривить душой, следует признать, что сестрам защита не так чтобы и в самом деле требовалась. Времена наступили такие, что девочки прошли через многое, через что в другие годы и взрослым мужикам, подолгу служившим, проходить не приходилось. Довелось им и воевать, и отбиваться, и самое страшное, что довелось им делать, — убивать. Убивать живых людей.

На самом дальнем конце стола сидел мужик лет тридцати, немного упитанный, но рослый и мощный, которого звали Володей, но которого все справедливо именовали Большим. Когда-то отслуживший в воздушно-десантных войсках и увлекавшийся вольной борьбой парень, который после службы окончил институт

---

¹ КШМ — командно-штабная машина.

связи и потом долго работал программистом, наедая сало на боках и постепенно теряя форму. Вместе со всей семьей и коллегами по работе он оказался заблокирован ожившими мертвецами в своем же офисе, откуда и был спасен группой военных из центра «Пламя».

Этот случай настолько потряс его, что он всеми правдами и неправдами стремился сменить свой статус «технаря» на статус «бойца» и в результате перескочил все же в наш отряд на должность пулеметчика — а кому, как не ему, слону такому, таскать ПКМ¹ или рацию? За свою физическую форму он взялся с каким-то остервенением, и в результате его благоприобретенная полнота спадала, уступая поле боя неслабым мышцам. И вдобавок Володя обучал сестренку работе с радио, чем еще больше доказывал свою необходимость отряду.

Завершали список личного состава кот Барсик, вальяжный и лохматый, который валялся сейчас на коленях у Алины Александровны, и здоровенный кобель Мишка, обживший в качестве собачьей будки грузовик «Садко» с кунгом, в котором у нас располагался передвижной склад всяких полезностей и прочих матценностей. Поэтому на ужине кобель не присутствовал.

— В общем... — начал я свою не слишком подготовленную речь, — так или иначе, но мне надо двигаться в «Шешнашку». Тянуть дальше нельзя, ну и плохие люди показались на горизонте. Дойду туда, отдам «материал» — половина проблем уйдет, потому что смысла гоняться за мной уже не будет. Не отдам... скорей всего, поймают. Или другим способом дотянутся, с них станется. Это те самые, которые тогда на дачу приезжали: не забыли, надеюсь.

— Забудешь тут, — усмехнулась Аня.

Она точно не забудет. Один из тех нехороших людей, что приехал тогда с целью всех нас убить и открыл ее

---

¹ Пулемет Калашникова модернизированный.

«личный счет», завалившись с простреленной головой на грязную весеннюю землю. Должна помнить.

— С походом все понятно, — закончил я вступление. — Но сказать я хочу то, что отправятся со мной только добровольцы. Я буду настаивать на том, что даже не все добровольцы войдут, так сказать, в списки личного состава. В штат, если угодно. Это касается двух человек — Маши и Большого. Не возьму.

— Это почему? — спокойно спросила Маша. — Надо обосновывать, и желательно всерьез.

Обосновать действительно надо — Маша со своим талантом стрелка была почти незаменима, что уже не раз доказала. Да и ее личный счет убитых, причем отнюдь не мертвяков, впечатлял. И все же...

— Маша, у тебя дети, — ответил я. — Двое. Отца они уже потеряли, не хватало еще и мать потерять. А вероятность такая есть.

— Серый, знаешь, — ответила она задумчиво, — ты все же не очень хорошо понимаешь ситуацию. Если бы вы меня тогда не спасли, то погибла бы и я, и сами дети. Притом чем больше времени проходит, тем лучше я это понимаю. Насмотрелась.

— И что...

— Я не закончила. — Она подняла ладонь, останавливая мою ответную речь. — Если бы я не вступила в отряд, то была бы одной из множества спасенных домохозяек, которых не знают куда приткнуться и которые живут чуть ли не из милости. Утрирую немного, но ты меня понял. Так?

— Ну... да, понял, — кивнул я.

— Получается, что отряд меня превратил в ту, кто я есть сейчас, которая себя раннюю даже не узнала бы, повстречай на улице. Поэтому бросать отряд я не собираюсь. И ты не настолько здесь командир, чтобы суметь мне это приказать, — закончила она, разведя руками.

— Ну насчет командира ты погорячилась. Прикажу — строевым пойдешь в детский сад работать, — предпочел я развеять иллюзии. — У нас по-другому быть не может. Но тебя я тоже понимаю. И все же предпочел бы, чтобы ты осталась в «Пламени».

— А я предпочту не принимать предложение, — столь же категорично ответила Маша.

— У меня, как я понимаю, такая же ситуация? — вступил в разговор Большой. — Или доверие утратил?

— Такая же, — обернулся я к нему. — Ты семейный человек.

— Это не аргумент, — пожал он плечищами. — Год-другой пройдет, и здесь все будут семейными. И детей нарожают. И что, все забудут, как из расположения выходить? Это же еще и способ зарабатывать на жизнь — лезть куда не надо, никуда от этого не денемся.

— Серый, он прав вообще-то, — вдруг влез Леха. — Теперь всегда такая жизнь будет, надо смириться. У тебя не получится кого-то пускать в дело, а кого-то постоянно в тылу держать.

Так, объединились. Получилось даже хуже, чем я ожидал. Думал, что придется спорить с каждым в отдельности, а они в единый фронт. Солидарность, блин. В драку рвутся. Только вот тонкость — проблема-то по большому счету моя, а лезут в нее они, которые к случившемуся никаким боком, и «кровью смывать» им точно ничего не надо. Это мне надо. Это моя проблема.

— Леха, и что предлагаешь? — спросил я уже у него.

— А что тут предложить можно? — даже удивился он вопросу. — Ты сам все и сказал уже. Едут добровольцы, мы с Викторией уже в списках. А Машу с Вованом не оскорбляй, они не хуже других.

— Он прав, — окончательно добил меня Сергеич.

Сергеич хоть на должность командира не претендует, но все же на особом положении. И возраст за сороковник, и опыта хватает, и авторитета у него в отряде на де-

сятерых. Если уж он на их стороне выступил, то мне сопротивление не преодолеть.

— Кроме того, у нас именно в таком составе отряд на полноценную боевую единицу похож, — добавил он. — Иначе придется или обходиться без кого-то, или что-то на ходу придумывать в ущерб боеспособности.

— Вообще-то речь не о боях идет, а о том, чтобы куда-то тихо и быстро пробраться, а потом оттуда точно так же тихо и быстро смыться обратно, — предпринял я последнюю попытку. — Меньше народу — выше скрытность.

— Да ничего подобного, — даже отмахнулся он. — У одного «уазика» и двух скрытность одинаковая. И у трех такая же. Зато есть возможность идти с «головняком»¹, есть возможность пересесть на другую машину в случае потерь в технике... продолжать надо или сам грамотный?

Да грамотный я, грамотный, сам прекрасно понимаю, что в меньшем составе идти будет сложнее, но все же... Ладно, была не была, что мне еще остается? Тем более что Сергеич добавил:

— И личному составу отличная подготовка в дальнем рейде. Когда еще такая оказия выйдет?

Я помолчал, затем кивнул, сказал, обращаясь уже ко всем:

— Значит, идут все, кто выскажет такое желание. В расположении части остаются Степаныч с супругой и дочерью, на охране и обороне нажитого имущества и подготовке транспорта к будущим победам, и Алина Александровна.

— Сережа, а вы уверены? — вступила в разговор Дегтярева.

---

¹ «Головняк» не в смысле «проблема», а в смысле «головной дозор», военный жаргон.

Вот он, момент истины. Именно этот разговор я все оттягивал и оттягивал, и именно он и является главным. Поэтому я посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Уверен, Алина Александровна. Мало того, я на этом настаиваю.

Выражение лица у нее изменилось на строго-упрямое, в стиле «ты мне обещал».

— Сережа, вы мне обещали.

Точно, обещал. Обещал отвезти к мужу, который погиб у меня на глазах. Причем к живому. Такое он, муж, с меня обещание взял. Правда, на тот момент никто не знал, во что именно выльется утечка этого вируса. А сейчас внешние условия изменились, и на обещания не повлиять они никак не могли. И повлияли.

— Что я вам обещал, Алина Александровна? — спросил я жестко. — Отвезти вас в Горький-16? А зачем?

— Там Володя... — чуть растерялась она.

— Владимир Сергеевич улетел на Алтай. При чем тут теперь «Шешнашка»?

— Но он должен был ждать нас там... вы же сами сказали, — вконец растерялась она.

Похоже, что с такого угла зрения она проблему не рассматривала. Ну ничего, сейчас я ей в этом помогу.

— Алина Александровна, а когда я вам это сказал? Разве тогда все вот так выглядело? — Я обвел рукой стены столовой, подразумевая при этом окружающий мир. — Скажите, если бы я, допустим, в тот день пригласил вас в Большой театр вместе с дочками, вы бы сегодня так и ждали исполнения этого обещания? Что-то изменилось за стенками с тех пор, как мне кажется.

— Но Володя имел привычку сдерживать обещания... — Тут она уже губы поджала.

— И как он должен был их сдержать? — спросил я. — Как добраться в такой обстановке почти от монгольской границы до Кировской области? Это сколько тысяч километров?

— Есть же самолеты...

— Алина Александровна! — вздохнул я. — Ну кто даст одному-единственному человеку самолет для того, чтобы он мог встретиться с семьей, в то время как вокруг гибнет мир и каждый литр топлива, каждый час мотосурса уже на счету? Вы серьезно?

— Володя — выдающийся ученый. Он им нужен, чтобы сделать вакцину, — ответила она.

Я и рот не успел раскрыть, как, к моему удивлению, в разговор влезла Ксения.

— Ма, как я думаю, он все, что мог, уже сделал, — жестко так сказала, прищурив темные глаза. — Достаточно. Все наше семейство сделало. Поэтому смею предположить, что дальнейшее наше участие в научном проекте не строго обязательно, мир как-нибудь переживет.

— Это не отменяет главного: он может быть там, — ответила ее мать.

— Нет, не может, — снова заговорил я. — С ним может быть связь оттуда, это одно ведомство, и у них связь должна быть. Максимум, на что мы там можем рассчитывать — это на то, чтобы узнать, где он и что планирует. Думаю, что такой задачей нам и следует ограничиться.

— И что?

— То, что ваше присутствие там необязательно. Связаться мы сможем и без вас. Если вдруг каким-то чудом он окажется там, то мы постараемся его увезти. Если он не сможет уехать — придумаем, как доставить вас к нему.

— Тем более что мы намерены вернуться сюда, — сказала Аня. — Там мы не останемся.

— Аня! — возмутилась Дегтярева. — Это же твой отец!

— И что нам при нем делать? — удивленно подняла брови она. — Мы здесь уже уважаемые люди, несмотря на пол и сопливый возраст, с нами дяди-спецназеры с почтением здороваются, а там что? Полы мыть в лаборатории? Спасибо, не надо, мне моя нынешняя работа нравится больше.

Тут она не соврала. А уж после нашего последнего набега на библиотеку, из которого мы притащили целых четыре рюкзака, набитых вселенской мудростью на оптических носителях, авторитет наш в «Пламени» стал совсем настоящим, никем не оспариваемым. Мы перестали бояться, что кто-то спросит, на каком основании такая толпа народу у них харчуеться и расходует дефицитное топливо, — окупаемся. Ну и не только я это понимаю, все остальные в отряде тоже ощущают. Поэтому позиция Ани мне очень даже понятна — куда лучше жить там, где тебя ценят и уважают, чем где-то еще.

Алина Александровна замолчала растерянно, сильно потерла лицо ладонями, затем спросила меня:

— Сережа, вы же с ним работали. Неужели вам не хочется вернуться к науке, заняться вакциной?

— Нет, — ответил я категорично. — Все, что творится вокруг, — это наука, точнее, результаты игр с ней. Я впредь к ней никакого отношения иметь не собираюсь. Забыл как страшный сон. Баста.

— И что предлагаете?

— Я все сказал, — пожал я плечами. — Ждите нашего возвращения, все выяснится. Обещаю, что если Владимир Сергеевич там, то я придумаю способ вас к нему доставить. Вплоть до того, что договорюсь насчет самолета.

— А если не там? — Голос ее чуть упал.

— Ну... тогда постараюсь выяснить все, что возможно, — пожал я плечами, после чего с усилием соврал: — Но уверен, что с ним все нормально. Там, куда он улетел, горы, глухомань и военный объект максимальной степени секретности, так что они там, как в крепости.

— Хорошо бы, — вздохнула она.

К облегчению моему великому, на этом самая скользкая часть собрания закончилась. Алина Александровна смирилась. К счастью, у нее уже работы хватает, она же психолог, а здесь множество сирот, людей, потерявших близких, вот и делает, что может. И в школе тоже

работает. Это праздный ум опасен, он в силу незанятости подчас удивительные вездеходы выписывает.

И хорошо, что Степаныч с семейными тоже в поход рваться не стал. Но Степаныч мужик трезвый и рассудительный, понимает, что к чему. Ни он, ни Валентина Ивановна даже Шмеля отговаривать не стали. Все они понимают.

— Итак, вопрос ко всем, — снова заговорил я. — Кто едет в Горький-16? Поднимайте руки.

Подняли, разумеется, все, а я рукой махнул. Не судьба бороться против всех. Пусть будет, как будет, видит бог — я пытался. Зато голос поднял Степаныч:

— Серега, ты цеу дай, какой транспорт готовить. С утра и начну.

— Как какой? — чуть удивился я, — «Садок» и два «козла».

— На хрена тебе «садок» в колонне? — озадачил он меня вопросом. — Ты в нем ночевать собираешься всей группой?

— Ну... да. А что?

— Зря. Ночлег и так сумеешь найти, земля пустой осталась, — сказал он. — Или палаточки возьмите, в лесу не страшно.

— А ведь верно, — кивнул Сергеич. — Степаныч, я понял. Ты предлагаешь «буханку» с прицепом взять?

— Точно, — ухмыльнулся Шмель-старший. — Топливо такое же, как и у «козликов», много деталей общих, расход умеренный, и Пантелеев обещал дополнительную связь выделить.

А толково, верно. «Буханка» у нас за штабную машину и так работает, и подготовка под установку дополнительной рации там сделана. И Аня с Ксенией и Пашкой — вполне слаженный экипаж, не надо ничего мудрить. Зато сама машина достаточно компактная, а в случае проблем можно и детали перебросить: начинка одна и та же. Прицеп у нас полутонный, так что «уазик» его потянет безо всяких проблем. На него весь запас

топлива нагрузить, а внутрь запас еды закинуть. Все равно бо́льшая часть боекомплекта по рейдовым «УАЗам» распределяется, чтобы все под рукой было.

А брать большой «садок» с кунгом из-за одного ночлега смысла нет, всегда можно какое-то безопасное местечко присмотреть. Да даже в деревне на ночлег напроситься к кому-нибудь, заплатив пистолетом с патронами, например. Кто теперь откажется? «Садки» на будущее пригодятся, для мародерки всякой и движения с грузом.

— Ну да, верно, — согласился я. — Так и сделаем. Два дня на подготовку. Я завтра с утра к Пантелееву, он нам какие-то призы обещал за библиотеку, постараюсь получить до выезда. И всем спасибо за то, что никто не отказался.

Сергей Крамцов

3 мая, вторник, утро

Пантелеев был доступен и, предугадав, зачем я его ищущу, время терять не стал и приказал рулить прямо на склад, куда мы и подъехали на «Лэндкрузизере» Лехи, исходя из того, что объемистое чрево этой машины должно вместить весь запас предполагаемых ништяков. Подполковник был в хорошем настроении, даже одет неформально — то вечно в разгрузке и с автоматом, словно на войну собрался, а тут в честь неожиданного майского тепла из военного на нем были лишь камуфляжные штаны и пистолет в кобуре. Обут был в кроссовки, а мускулистый торс обтянут красной трикотажной майкой.

— Ну что, Серый, собрался все же-на? — спросил он, протягивая руку.

— Так точно, пора, — ответил я на приветствие. — Запас отмазок закончился, даже для самого себя пригодных.

— Ну и правильно, — кивнул он. — Самое время-на. Раньше сядешь — раньше выйдешь. Беспредел на до-

рогах закончился-на, а передел еще не начался. У тебя по средствам связи ведь заявка была, так?

— Так точно, — кивнул я. — Не помешают. Разделить отряд не могу, всего одна мощная рация, остальные так, короткие.

— Да, это нехорошо-на, — согласился он. — В общем, дам тебе две «сто пять девять» со всем полагающимся, считай-на, что в оплату за Техническую библиотеку. Научники наши в восторге, и уже из других мест народ просит всякой-на информацией поделиться. Не ожидал-на, что такую умную вещь вы придумали.

Я аж вздохнул с облегчением и перекрестился. Проблема со связью давила на меня больше всего, никак ее обойти не получалось. И без связи нельзя. Все остальное у нас есть, по большому счету нужды ни в чем не испытываем, а вот рации...

— А когда получить можно? — спросил я, чтобы не откладывать в долгий ящик.

— Да сразу после склада и получите-на в роте связи, — пожал он плечами. — Командир уже приказал-на, так что вопросов нет, и связистов предупредил, чтобы не триппер какой давали, а в хорошем состоянии. Есть специалист, чтобы принял-на?

— Есть, это без проблем.

— Ладно, тогда на склад пошли-на.

Встретил нас там уже знакомый старший прапорщик, тот самый, что месяц назад нам оружие здесь выдавал. На этот раз искать ему ничего не пришлось, видать, Пантелеев заранее обо всем распорядился. На полу, на деревянном поддоне были разложены шлемы стопками, броники в полиэтиленовых пакетах, еще какие-то упаковки, два ящика с патронами и серые картонные коробки, судя по виду, с пистолетами.

— Значит, смотри-на, — сказал Пантелеев. — Один ночник тебе даю, на СВД¹. — Он поднял брезентовую

---

¹ Снайперская винтовка Драгунова.

сумку с прицелом, открыл ее. — Больше не проси, но один дам.

— Это спасибо! — обрадовался Леха. — А то у нас по нулям с таким делом.

Пантелеев кивнул.

— Теперь сюда смотри-на. — Он указал на патронные ящики. — Это патроны УС¹, знаешь, что такое, да?

— С пэбээсами? — сразу спросил я.

— Естественно-на, — кивнул он. — Все семь-шестьдесят два, это с длительного хранения-на. Нормальные патроны раздали-на, разделили, а эти-на, вроде как специальные, по складам частей раскидали. Есть у тебя автоматы под этот калибр, так?

— Так точно, аж четыре, — радостно подтвердил я. — А пэбээсы какие?

— ПБС-1², нормальный-на.

— А то у нас в роте были и совсем старые, где корпус пополам раскрывается, — пояснил я. — Не хвалили их.

— Я понял, их до шестьдесят второго года выпускали-на, — кивнул он. — Этот с нормальным сепаратором. Как пользоваться, знаешь?

— А что там знать? — пожал я плечами. — Меняй себе обтюраторы после двух сотен настрела, да и дело с концом.

— Я тебе руководство службы дам-на, — вздохнул Пантелеев. — Выучи.

— Есть.

Я присел на колено, открыл один ящик. Два зеленых цинка по шестьсот дозвуковых патронов УС с утяжеленной пулей, если верить надписи — в каждом по три резиновых запасных обтюратора. На крышке две полоски — черная и зеленая. Нормалек. Это очень здорово на самом деле, в иной ситуации стрелять очень не хо-

---

¹ Патрон с пулей с уменьшенной скоростью.

² Прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.